

Алексей МАНСКОВ

В ЭТОМ МАЛОМ ТАК МНОГО БОЛЬШОГО

Стихи

* * *

Пахнет клевером и медуницей.
Вдалеке виден дым из трубы.
Кто-то пишет про жизнь за границей,
Про богатство и знаки судьбы.

Я люблю звуки птичьего гама,
Склоны гор и течения рек,
И дорогу от дома до храма.
То, что с детства дается навек.

В этом малом так много большого.
Много сложного скрыто в простом.
И в начале всегда было Слово.
Остальное все стало потом.

СЧАСТЬЕ

Счастье, когда на душе все спокойно.
Нет на плечах груза прежних обид.
То, от чего было стыдно и больно,
Больше не мучает и не болит.

Алексей Мансков родился в 1979 году в Бийске. Затем семья переехала в Барнаул. В 2002 году окончил филологический факультет Барнаульского государственного педагогического университета. В 2007 году защитил кандидатскую диссертацию по русской литературе. Преподавал в Барнаульском педагогическом университете. Доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета. В 2006 году вышла первая публикация в краевом издании «Литературная газета». Участник Всероссийского литературного фестиваля в Бийске – 2024, приуроченного к «Шукинским дням на Алтае», где с главной сцены декламировал свои стихи.

В этом же 2024 году в серии «Молодой голос Алтая» вышел сборник стихов «На пути к радости». Член Союза писателей России с 2024 года.

Живет в Барнауле.

Счастье, когда снег на солнце искрится,
Легкие могут свободно дышать.
Пусть тебе ночью сегодня не спится.
Завтра удастся подольше поспать.

Счастье, когда вопреки всем невзгодам
Ты можешь радость в душе сохранить,
Смело шагать по пустым переходам,
Не потеряв заповедную нить.

Счастье, когда всюду рядом с тобою
Ангел-Хранитель незримо идет.
День озаряется яркой звездой,
А на реке утром тронется лед.

НАВСЕГДА УХОДИЛО СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО

Жизнь моя – это гонка за призрачным счастьем
С первых детских стихов в старой школьной тетради,
Где наивность жила вместе с теплым участием
И казалось, все в мире лишь подвигов ради.

Мы учили навек пионеров-героев
И читали Гайдара с «Мурзилкой» на пару.
Лица чьих-то кумиров смотрели с обоев,
Не тревожа висящую рядом гитару.

Эти вырезки из подростковых журналов
Были окнами в мир, где все было иначе:
Откровения «Ассы» и жизнь неформалов
Превращались в концерты на старенькой даче.

Навсегда уходило советское детство
Птицей счастья, стремясь в незнакомые дали.
Были живы отцы, а теперь лишь наследство
От их песен осталось с налетом печали.

В это время я рос, не прогуливал школу,
Записался без спросу на секцию бокса,
Иногда удавалось купить пепси-колу
Обходились без спайса, гашиша и кокса.

Как-то все сочеталось в одном государстве.
Незаметно рождалась другая эпоха.
Будто вовсе не с нами, а в сказочном царстве.
Мы не знали про суши, была лишь картоха.

И сейчас вижу эту я ретроспективу,
Все равно вспоминаю забытые лица.
Все стремятся зачем-то во всем к позитиву.
Нет нужды в журавле, если рядом синица.

Кто бы знал, как прожить эту жизнь, не напутав,
Не ступая Агашею в манную кашу.
Ты идешь в лабиринте, клубочек распутав,
Любишь Юлю, Танюшу, а может, Наташу.

И всегда будет так, и совсем не иначе,
Будут радости, встречи и слезы в подушку.
Жизнь сама нам диктует, как в школе, задачи,
Хоть цена им порою лишь только в полушку.

И тоска по придуманному идеалу
Также гонит сквозь ночь в переулки, извивы.
И тогда понимаешь ты мало-помалу,
Но глаза твоих спутниц так дерзко красивы.

Как догнать Ахиллесу хоть раз черепаху?
В этой странной погоне за яркими снами
Буря выбросит шляпку на скалы с размаху,
И она затеряется между мирами.

За окном новый день, я иду на работу.
Остается неделя до Нового года.
Как и все, я опять ожидаю субботу,
За закатом привычного сердцу восхода.

Так слагаются пазлы в единый рисунок
Этой жизни, ведомой нездешней рукою.
И работает сердце не хуже форсунок,
В чет и нечет играя с прорухой судьбою.

Впрочем, как тут поспоришь с концепцией Барта¹,
Что до нас уже все сотни раз рассказали.
В луже мокнет безмолвно игральная карта,
И вся жизнь повторяется вновь по спирали.

¹ *Ролан Барт (фр. Roland Barthes, 1915 – 1980) – французский теоретик литературы, критик и философ.*

ВЕСЬ МИР НАХОДИТСЯ В ДВИЖЕНИИ

Опять заснеженные ели
Стоят под тяжестью снегов.
Проходят дни, идут недели,
Теряясь в череде годов.

И в этом странном повторении
Простой модели бытия
Весь мир находится в движении,
А вместе с ним и жизнь моя.

ВНОВЬ СТАНЕТ НА ДУШЕ ЛЕГКО

Опять меняется погода.
Все небо сплошь заволокло.
Одно и то же год от года:
То холод, то с утра тепло.

Сверкают дальние зарницы,
Хотя пока и нет дождя.
И тень летящей в небе птицы
Острее всякого гвоздя.

Прорвется небо, хлынут капли,
Запляшут в танце на земле.
И ночь придет с глазами цапли,
Коснувшись чашек на столе.

И, несмотря на непогоду,
Вновь станет на душе легко.
Скользнет звезда по небосводу
– Смотри, как близко!
– Далеко...

НОЯБРЬ. ЕЩЕ НЕ ЗАМЕРЗЛА РЕКА

Мело, мело по всей земле
Во все пределы

Борис Пастернак

Ноябрь. Еще не замерзла река,
Хотя и покрылась слоистой коркой.
На улице снег, как на кухне мука,
И ветер умолк за оконною створкой.

Опять межсезонье считает ключи
От зимних квартир, где стекло и окурки,
И пламя еще незажженной свечи
Покажет облупленный слой штукатурки.

А вечером Юра, вернувшись домой,
Отправится с Тоней к Свентицким на елку.
Сквозь город, веселье и шум площадной,
Где ряженных толпы шумят без умолку.

И так же свеча будет где-то гореть
За полузамерзшей оконною створкой,
А кто-то на улицу выйдет смотреть,
Как звезды моргают гирляндой над горкой.

И БУДЕТ СВЕТЛЫМ НОВЫЙ ДЕНЬ

Когда пройдут тоска и боль
И сами распрямятся плечи,
Найдет любимого Ассоль,
И вновь подует ветер встречи.

Наполнит чьи-то паруса,
Падут заслоны и затворы,
А в небе птичьи голоса
Разбудят сонные просторы.

И будет светлым новый день
Со вкусом молока и меда.
Отец подарит мне ремень.
Коленки заживут без йода.

И будет мир как дивный сон,
В цветенье солнечного мая.
Мне скажет мама: «Охламон!»
И я шагну в вагон трамвая.

БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ ВСЕ БЕЗ КАКИХ-ТО ЗАТЕЙ

Я привык видеть этот пейзаж за окном:
Старый тополь и крыши соседних домов,
А за ними дорога под серым сукном
И ряды неустанных фонарных столбов.

Я всегда представлял этот скромный пейзаж,
Если вдруг беспокойно сжималось в груди,
Словно это был крепкий надежный блиндаж,
Над которым не властны ни снег, ни дожди.

Просто здесь я прожил тридцать солнечных лет.
В этом доме я рос и играл во дворе.
По утрам на столе был горячий омлет.
И к стеклу прилипал редкий лист в ноябре.

По старинной привычке на пару с отцом
Наряжали мы елку и ждали гостей.
Мама всюду носилась веселым скворцом,
От улыбки ее становилось теплей.

Старший брат возвращался домой от друзей.
В пианино он прятал бутылки вина.
Были счастливы все без каких-то затей,
Наши близкие, мы и вся наша страна.

С той поры уже много воды утекло.
Все давно изменилось. Погасли огни.
Но всегда у меня на душе так светло,
Когда я вспоминаю те давние дни.

И остался все тот же пейзаж за окном,
Где бы я ни бывал в стужу, ливень и зной.
Как в той песне, привычный родительский дом
Неизменно, всегда будет вместе со мной.

УШЕДШИЙ ВЕК, НА МИГ ВОСКРЕСНИ

Все было раньше по-другому,
Или казалось только мне.
Я путал сено и солому
И жарил мякиш на огне.

Сажали взрослые картошку
На поле где-то у реки,
И выпивали «на дорожку»
Еще тогда не старики.

А возвращаясь, пели песни,
Когда все ехали домой.
Ушедший век, на миг воскресни
И позови меня с собой.

Чтобы опять увидеть детство,
Костер, горящий на меже,
От всех невзгод простое средство:
Взглянул – и легче на душе.

Ушла отцовская эпоха.
Остались фото и мечты.
Что хорошо, что было плохо?
Не скажут сонные мосты.

Лишь только ощутишь порою
Взмах светлых крыльев над тобой.
Я сыну чудный мир открою,
Как мой отец открыл мне свой.

СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ, НАЧАВ С СЕБЯ

Сделать мир лучше, начав с себя
Хотя бы в малом – нелегкая штука.
Можно идти, во все трубы трубя.
Только зачем? Хватит тихого звука

Голоса, шепота, шума дождя,
Песни далекой, но с детства знакомой,
Вбитого в доску простого гвоздя,
Сена с растрепанной ветром соломой.

Просто быть искренним, верить и ждать:
Утро настанет, и чудо случится.
Свет озарит всю небесную гладь,
И самолетиком станет страница.

Ветром подхваченный, он полетит
Выше, влекомый воздушной стихией.
Кто-то о нем новый стих сочинит
И улыбнется пред встречей с Мессией.

НЕТ НИ КОНЦА, НИ НАЧАЛА

Нет ни конца, ни начала
Кружеву облаков.
Где-то вдали зазвучала
Тихая песнь лепестков.

Белой январской сирени,
Вьюги, надевшей фату.
Кто-то вдруг встал на колени,
Лбом прикоснувшись к кресту.

Отзвуком колоколен
Вдрогнула тишина.
Редко кто жизнью доволен –
Застит глаза пелена.

Глубже земных океанов
Ширь, что ни в сказке сказать...
Радость без темных дурманов.
Божья царит благодать.

